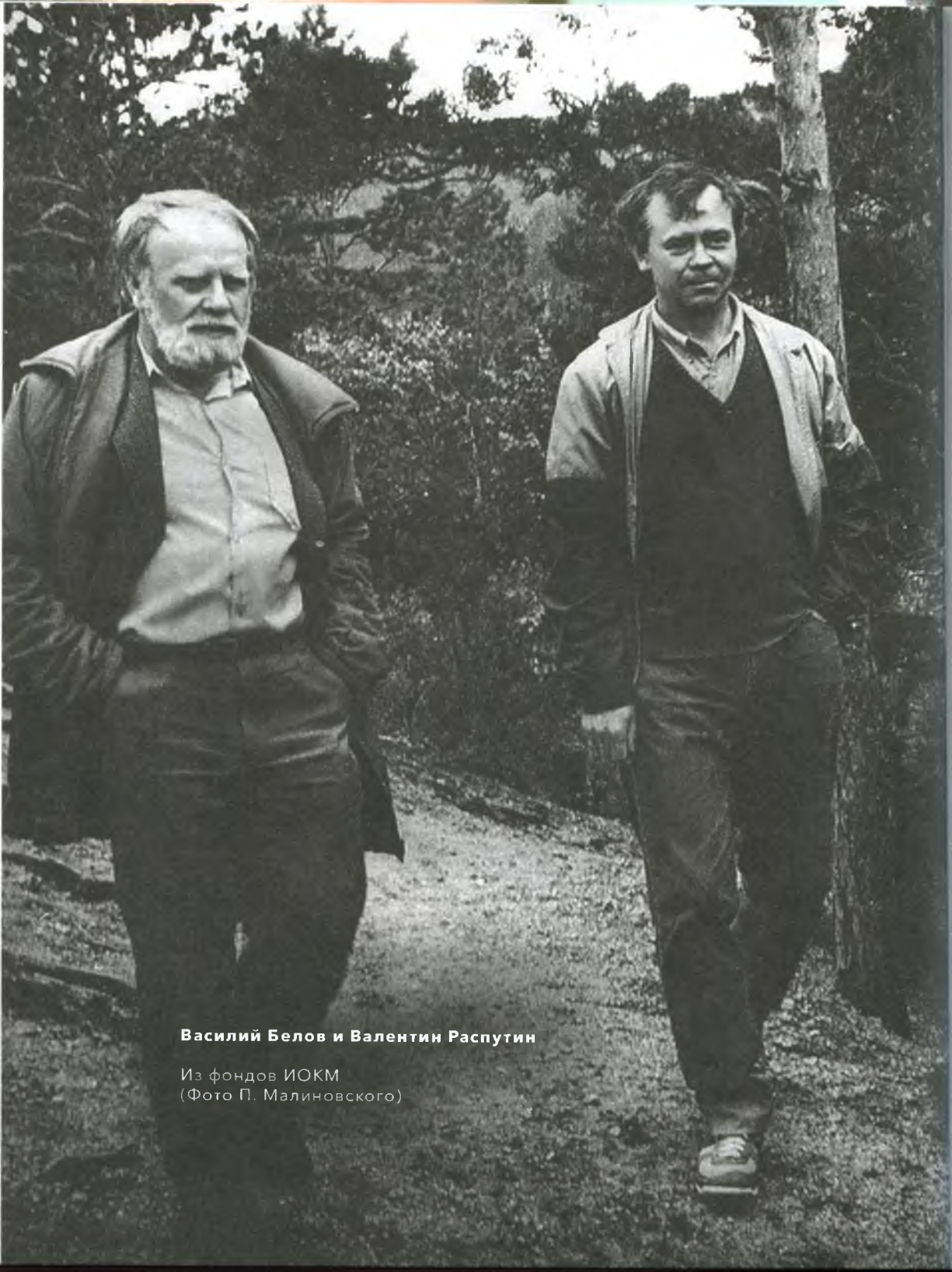

Р
ОДСТВЕННАЯ
ДУША
ВАСИЛИЙ БЕЛОВ

Василий Белов и Валентин Распутин

Из фондов ИОКМ
(Фото П. Малиновского)

У Василия Ивановича Белова ожидался юбилей. Живому классику должно было исполниться 70 лет.

– Толя, будь другом, уговори Распутина Валю приехать ко мне на день рождения, – попросил меня Белов.

– Я поговорю с ним, но мне как-то неудобно, ты сам действуй! – уклончиво обещаю я Белову, с которым мы давно дружили и перешли на «ты» по настоянию писателя.

– Он отмахивается от приглашения, – настойчиво продолжает Василий Иванович уже уговаривать меня. – Настрой его на поездку, пожалуйста, он тебя послушает. Хочется повидаться, посидеть...

– С чего это ты решил, Василий Иванович, дорогой, что он возьмет и послушает меня?

– Ему тут понравилась твоя решительность в Думе, когда ты наехал на Швыдкого. Ох, как я его не терплю, если бы ты знал! Да и Валя к нему недоброжелателен. Давай поговори с Валею, давно мы что-то не виделись.

Мне ничего не оставалось делать, как выполнить поручение Белова. Но на мои уговоры Валентин Григорьевич Распутин ответил категорическим «нет». Сослался на скорый отъезд в Иркутск, в родные места. Я намекнул на возможность переноса срока обратного

возвращения в столицу, памятуя о том, что между ним и Беловым сложились более чем дружеские отношения, скорее, близкие к родственным. Это в начале творческого пути Распутин говорил и писал, что учился писательскому труду у Белова, Астафьева, Абрамова, что у них брал уроки проникновения в человеческую душу, что общение с ними помогло ему осознать, что нужно делать в литературе. Теперь они были единомышленники, родственные души.

Несмотря на мою настырность, я вновь получил отказ.

– И так я слишком долго засиделся в Москве, – признался Валентин Григорьевич. – Плохо я себя здесь чувствую среди асфальта. На чистый воздух тянет. Душа изнывает.

– Понимаю, понимаю, – все, что мог, сказал я в конце разговора.

Во смягчение своего вынужденного отказа Распутин подписал Белову свою книгу публицистики «Последний срок: диалоги о России» и велел мне ее передать ему лично. При этом зачитал вслух свое послание: «Василию Ивановичу от бывшего писателя, ставшего ругателем, на добрую память о тех временах, когда мы жили-дружили... и еще проживем». Заодно подписал второй экземпляр такой же книги мне: «Дорогому Анатолию Николаевичу искренне (но перед сном лучше не читать). В. Распутин».

Скоро судьба забросила меня в Иркутск, и мы вернулись к разговору о юбилее Василия Белова.

– Может, все-таки приедете? – издалека начинаю я атаковать Распутина.

– Нет, не получается, – отвечает Валентин Григорьевич. – Только что был в Уфе. Понравилась Башкирия, развивается, не стоит на месте. Даже к писателям там иное отношение, чем в столице и других регионах.

– Василий Белов рассказывал, что в Башкирии для писателей учреждена Аксаковская премия. Он даже ее лауреатом является.

– Замечательная премия. Она давно существует. Писатели Башкирии решили и меня на нее выдвинуть.

– Как же вас сагитировать навестить Белова?! Все-таки юбилей, и не маленький – 70 лет!

– Я был у него, отмечал 65-летие. Выразил ему свою любовь. Так что мы квиты.

– В каком смысле квиты?

– Он у меня не был на юбилее, я у него не буду.

– Белов на вашем юбилее был.

– Хорошо помню, как он появился у меня на квартире в день юбилея. Утром зашел чайку попить. Посидели полчаса, обсудили житейские дела, и он ушел. Потом пришел на обед. Опять посидели. Вижу, он собрался уходить. Я говорю ему – останься на вечер. Основные гости как раз соберутся вечером отметить юбилей. А он отвечает: я устал, извини, поеду. Так и не остался. Теперь и я не поеду к нему.

При этих словах Распутин рассмеялся, и я понял, что причина не отправляться в дальний путь хоть и была важной, но он превратил свой отказ в простую шутку. Она мне понравилась. Я впервые увидел и услышал, как маститый писатель умеет так удачно пошутить, выкрутиться из сложной ситуации. Настаивать на приглашение мне больше не хотелось. Мы перешли на другую тему. Обсудили земельную реформу, которая, по мнению писателя, разделяет жителей села на бедных и богатых.

– И все бы ничего, да не получается у демократов выровнять ситуацию, чтобы бедность побороть. Наоборот, богатые становятся богаче, а бедные остаются бедными.

Охотно поддерживаю переживания писателя, так как сам из деревни, и, несмотря на работу в Москве, каждый выходной езжу в родной поселок Борисоглеб, и нахожу время добраться еще до деревни Редкошово, где живет моя бабушка. Сельская безработица, безысходность, деградация пугают, будто только что прошла война. Делюсь своими горькими раздумьями и впечатлениями, а Валентин Григорьевич внимательно слушает. Точно так же слушает и Белов. Мне понятно, почему у них, прозванных писателями-деревенщиками, так много общего. Одни думы, одни мысли, одни выводы. Кажется, и орган для осмысления и сострадания общий. А единство их мыслей и действий обеспечивает не стремление писать о крестьянах, а то, что они – плоть от плоти дети деревни, и гибель ее рассматривают как личную беду.

Ближе всех к пониманию их родственных душ, мне кажется, был академик Игорь Шафаревич. Тот самый ученый, знаменитый математик, что задолго до появления в политике термина «русофобия» вскрыл эту масштабную и глубоко законспирированную, но довольно мощно финансируемую Западом и мировым правительством операцию под названием «Русофобия», и написал объемный научный труд – книгу с тем же названием. Из бесед с академиком я знал, как глубоко почитал он талант и подвижнический труд двух великих его современников – Белова и Распутина.

Поздравляя Валентина Распутина с 65-летием, академик Шафаревич написал:

«Почему «деревенская проза» так сильно задевает душу? Конечно, не «этнографией» – описанием того, как жили и работали крестьяне, это лишь фон. Благодаря Валентину Григорьевичу Распутину, все это течение всегда, я думаю, будет ассоциироваться с образом «Прощания». Ведь и ранящий душу пафос «Канунов» В. Белова заключается именно в том, что читатель погружается в жизнь, полную смысла и красоты, над которой, как он знает, занесен топор. Не говоря уж о «Годе великого перелома», где топор уже опустился. Замечательно сказал о всем течении покойный В. Солоухин: "Эти люди... прощаются, собственно говоря, с родной матерью, оставаясь одинокими и беззащитными на холодном и беспощадном ветру истории"».

Оспаривать диагноз деревенской прозе, установленный академиком, не имеет смысла. Деревня умирает на глазах, уходит из нашего бытия. Эксперты не успевают подсчитывать, сколько в год страна их теряет. Подсчитано, что за годы правления одного Ельцина с карты России исчезло более 20 тысяч деревень. И как тут не опечалиться, не заплакать. Да и мешает деревня нашим российским политикам давно. Шафаревич прав: занесли топор над ней еще со времен раскулачивания.

Спрашиваю Шафаревича, напомнив ему суть статьи о Распутине:

– Если он попросился с деревней, то, получается, навсегда, у деревни нет будущего?

– Не будет деревни – не будет России, – раздался твердый ответ. Этот вердикт совпадает с позицией писателя.

Сам термин «деревня мешает» принадлежит Распутину. В разговоре обычно звучит его слово «уничтожать». В интервью с журналисткой газеты «Аргументы и факты» Юлией Шигаревой, озаглавленном «Без деревни мы осиротеем», он твердо сказал: «И традиции, и законы общежития, и корни наши – оттуда, из деревни. И сама душа России – если существует единая душа – тоже оттуда. Деревню русскую начали уничтожать еще в советское время. А сейчас добивают окончательно. И корни эти, похоже, не способны дать побегов. Россия без деревни – не Россия. Город – это поверхность жизни, деревня – глубина, корни. Оттуда приходили люди, принося с собой свежие голоса, свежие чувства. Сколько бы водохранилищ мы ни понастроили, а водичку любим пить родниковую».

– Валентин Григорьевич, вот вы с Шафаревичем будто сговорились, когда утверждаете, что без деревни не будет России. Получается, что вы поставили своими книгами памятник русской деревне, затопленной и потерянной для нас, как Китеж, навсегда. Деревня сегодня гибнет на глазах, гибнет окончательно. Выходит, у России нет будущего?

– Кто сказал, что деревня погибла навсегда?

– Белов сказал. Я пристал к нему с вопросом, когда возродим деревню, а он ответил – никогда. Деревни уже нет... Чему возрождаться?

Молчание Распутина длилось слишком долго. Спорить с вологодским другом было не с руки. Да и не любил он спорить, тем более с ним, с родным Беловым. Собрался с мыслями и задал встречный вопрос:

– А почему он считает, что деревни уже нет?

– Сказал, что произошло самое страшное – отчуждение крестьянина от земли, леса, животных, даже от строительства собственного дома. Потому без воспитания в человеке чувства земли, чувства хозяина не возродится и крестьянство.

– Правильно, – согласно кивнул головой Распутин. – Мудрец этот Белов Вася. Воспитывать надо крестьянина. А корни возделывать,

Встреча с академиком И.Р. Шафаревичем
(слева направо: С.Н. Бабурин, И.Р. Шафаревич, А.Н. Грешневиков)

поливать. Тогда и деревня будет. Конечно, той деревни, которую знали я и Белов, уже нет. Уничтожили. Пусть будет другая... Я потому и сказал, что Россия без деревни не Россия.

– Значит, и Россия будет другой, раз деревня станет другой?!

– Верно. Но главное, чтобы Россия была.

Случись, что наш разговор стал бы достоянием журналистов, с любого лагеря демократического либо патриотического, то наверняка обвинили бы Распутина в том, что он ведет антироссийскую пропаганду. Нашлись бы и те, кто назвал бы его диссидентом, ведь он ругал советскую власть, и не просто ругал, а даже вынес вердикт в своих книгах, что деревни уничтожались и затапливались при коммунистах.

Без доморощенных критиков, хулителей или просто демагогов обойтись невозможно. Пусть на классиков и у них не всегда рука подымается, но они есть. Их заметное меньшинство. Только вот гадить они умеют крепко. Не зря существует поговорка о ложке дегтя в бочке меда. Для демагогов главное показать себя умными и возвыситься на унижении великих. Пощипать нервы. Это их любимое занятие. На большее не способны. Таким выскочкой и демагогом оказался, к примеру, Валентин Оскоцкий, которому показалось, что Распутин «тоскует» по цензуре, и отсюда следует вывод: «Он твердо верит в силу административных приказов. Еще бы: они – родная стихия авторитарной власти, к которой он на редкость благосклонен». Чтобы читатель поверил в авторитаризм Распутина, другой умник, Алексей Тарасов, вешает более страшный ярлык: «Распутин с его сталинизмом, со вступлением в ряды тех, кто мучил его героев, топил Матеру, – не идиот и не мазохист. Тут другое: те самые тайны психики, в которые он, как и его любимый Достоевский, погружались. Что бесследно не проходит». Надо же, какой смелый и приткий?! Прямо напоминает строки из басни Крылова: «Ах, Моська, знать, она сильна, что лает на слона». Разбрасывается лживыми словами и не знает, что никто в читающей России ему не верит, что только сам псих может обвинять Распутина в сталинизме. Действительно, у демагогов с либеральным и русофобским уклоном болезнь бесследно не проходит, она пере-

дается таким же словоблудам. И те продолжают сочинять небылицы, покусывать за ногу великана. Особо постарался полязгать зубами русофоб Дмитрий Быков, яркий представитель солженицынской «образованщины», который долго размышлял о том, «как ложная, человеконенавистническая идея сгубила первоклассный талант». Размышлял он перед прыжком на жертву так долго, что покусал сам себя. Оказался жертвой собственного ядовитого укуса. И чтобы как-то оправдаться перед господами-русофобами из своего лагеря за свою человеконенавистническую статью размером в две громадные полосы, не оправдавшую своей занудностью и лживостью их высоких надежд, придумал, что жертвой стал Распутин. Он так и написал: «Он всю жизнь писал о жертвах, и сам был жертвой страшной болезни, настигающей русских, – и не только русских – писателей. Повторявший «Живи и помни», «Век живи – век люби», он выбрал мировоззрение, не позволяющее ни любить, ни жить, ни помнить».

Ни много ни мало, а русофоб отказывает известному писателю-патриоту в праве любить. Надо же до такой ереси додуматься! Хорошо, что не обвинили, как делали русофобы раньше с Шолоховым, будто не он сотворил «Тихий Дон». Могли и Распутину отказать в написании «Прощание с Матерой», «Век живи – век люби».

Если Распутину не свойственно любить людей, то кто же тогда займет его место в литературе, кто тогда написал за него «Живи и помни», где Настена идет на гибель ради спасения мужа-дезертира? Кто написал за него «Уроки французского», где учительница спасает жизнь голодному мальчику ценой своего увольнения?!

– Валентин Григорьевич, вы каким-то образом отвечаете вашим недругам, публикующим ложь про вас и называющим вас то фашистом, то сталинистом? – спросил как-то я писателя, наткнувшись на русофобский выпад в либеральной газетенке.

– А зачем? – удивленно переспросил Распутин и добавил: – Показать, что я их замечаю? Нет, у меня много работы. Нельзя тратить время впустую.

Не отвечал на пустую критику русофобов и Василий Белов. А ему-то доставалось от них больше всех. На нем отточили свои зубы

многие словоблуды. И даже после его смерти не могли утихнуться. Даже представители коммунистической прессы не могли ему простить романы про коллективизацию, разорившую деревню. Распутин тоже клял почему зря раскулачивание крестьян, советский проект по ликвидации «неперспективных» деревень. В этом страдании за русскую деревню Белов и Распутин были также едины. Как и едины в критике власти, которой «мешала» деревня. Но коммунисты побаивались все же бросать в Распутина камни. Белову от коммунистов досталось и при жизни, и после смерти.

Перед очередным юбилеем Василия Белова я решил собрать воспоминания всех известных деятелей культуры и политиков, близко знавших и ценивших незаурядный талант писателя, и издать их отдельной книгой. А заодно выпустить в свет мою обширную переписку с ним, все-таки Василий Иванович за долгие годы нашей дружбы подарил мне 140 своих писем. Пришел я и к главному коммунисту страны Геннадию Зюганову, с которым у меня наладились в Думе хорошие отношения, и попросил его написать статью о Белове. Он согласился. И в вышедшей книге воспоминаний есть его прекрасная статья с названием, которое говорит о многом, – «Душа родственная». Подарил я две свои книги редактору коммунистической газеты «Советская Россия» Чикину с предложением опубликовать информацию об их выходе и перепечатку статьи Зюганова, который назвал Белова «гениальным писателем, провидцем, совестью нации».

Через месяц выходит в газете коммунистов разгромная статья никому не известной журналистки Светланы Замлековой, где она упрекает меня в том, что я называю Белова громкими словами «великий», «гений». Выходит, Зюганову можно, а мне – нет. То что в статье покритиковали меня – это дело второстепенное, я ведь не гений, а вот Белова таковым считает большинство писателей патриотического Союза писателей России, к каковому себя относит критиканша, и большинство читателей страны, и даже сам глава КПРФ. И причиной так считать стали не только Государственная премия СССР и государственные ордена «За заслуги перед Отечеством» или орден

Ленина, но, прежде всего, его книги: «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой», в которых показана трагическая судьба русского крестьянства, попавшего под красное колесо коллективизации.

Так в чем провинился Белов перед злой и словоохотливой коммунисткой Замлеловой, вставшей в один ряд с русофобами и демагогами вроде Оскоцкого и Быкова? Читаю и волосы дыбом встают. В первую очередь, ей не нравятся книги и герои Белова – Иван Африканыч из знаменитой повести «Привычное дело», из которой, как из гоголевской шинели, выросли многие великие писатели современности – за пессимизм. Роман «Все впереди», названный Зюгановым пророческим, не нравится «противоречивостью» и «размытостью». Но больше всего коммунистку-газетчицу раздражают книги о коллективизации. Кто-то ей внушил, что эта самая коллективизация не нанесла никакого вреда деревне. Хорошо, что Замлелова не оповестила всю страну о том, что она пользу ей принесла, сломав судьбы и жизни тысяч трудолюбивых крестьян. Написала со всей пролетарской обвинительной прямоотой: «...рассуждают о вреде коллективизации, уничтожившей-де некий «крестьянский лад». Но никто из этих специалистов-аграрников не поведал читателю о том, что деревни исчезают по всему миру, включая страны, не знавшие коллективизации... Никто из осуждающих коллективизацию, включая даже В.И. Белова, никакого такого дореволюционного «крестьянского лада» своими глазами не видел». Крепко, видимо, «образованщина» по-солженицынски проникла в голову коммунистки из газеты «Советская Россия», если она столь уповаает на свои величайшие познания дореволюционной жизни деревни, что не сподобилась прочесть не только великую книгу Белова «Лад», но и тысячи восторженных и научно обоснованных отзывов о ней, в которых сказано и о главном – о том, что книга написана автором на основе рассказов его матери Анфисы Ивановны, захватившей и знающей дореволюционный «крестьянский лад». Могла бы Замлелова и к самому главному коммунисту страны Зюганову обратиться за разъяснениями, почему он назвал в честь книги Белова свое всероссийское общественное движение – «Лад». Всезнайкам, видимо, это не с руки.

Не нравится Замлеловой, во вторую очередь, и сам писатель Василий Белов. И тот ее обвинительный ряд столь широк, что гнева и претензий хватило аж на 4 полосы. Среди основных обвинений – раздвоенность, антисоветизм, несостоятельность обвинений, неудачные женские образы, отсутствие целостности, архаичное стремление вернуться к истокам, и прочая чепуха. В доказательство своих выдумок газетчица пишет: «Ну подумаешь, Белов полагает, что русские люди, подобно Христу, были распяты Советской властью, – отсюда и название его произведения «Час шестый». А так вообще-то он, конечно, не антисоветчик... Получается, правда, как в песне «А в остальном, прекрасная маркиза...» Только в мозгу больного человека рождается такая ахиня: если ты против коллективизации, значит, против Советской власти. Демагогические утверждения Замлеловой довели ее до такого нервного срыва, что она решила разжевать читателю антисоветизм любимого Зюгановым писателя такими словами: «Но в то же время писатель-почвенник В.И. Белов писал и о народном недовольстве безбожной коммунистической властью, и о трагедии раскулачивания, о неприятии советского строя, радовался отказу от «марксистской догмы». Но тот, кто отрицает советский строй, должен понимать, что тем самым он соглашается на строй антисоветский (а как иначе?), где очень многие удобства попросту исчезнут из обихода».

Памятуя о пословице «Не дай Бог мне таких друзей, а с врагами я сам разберусь», я показал статью Замлеловой председателю коммунистической партии и руководителю фракции КПРФ в Думе Геннадию Зюганову и его заместителю Николаю Коломейцеву.

– Не может быть, – растерянно сказал Зюганов, пробежав глазами клеветническую статью в своей газете. – Я извиняюсь. Для меня Белов и Распутин – гениальные писатели России, совесть нации.

– Давай вызовем Чикина и предложим уволить эту журналистку, – предложил Коломейцев.

– Не надо никого увольнять, – сказал я. – Это ее твердое убеждение. Зачем наказывать за идеи, в которые она верит? Я благодарен ей и газете за то, что они показали свое истинное лицо, правдивое отношение к великим русским писателям, которым сперва давали

Крестьянские сыны Анатолий Грешневилов и Василий Белов

ордена Ленина, а потом записали в антисоветчики. Замлелова – ваш рупор, а этот рупор признает, что вы, коммунисты, как не любили крестьянина и деревню, как она «мешала» вам, как вы уничтожали ее, так и продолжаете питать безразличие и нелюбовь к деревне. А крестьянин что для вас, что для демократов по сей день является лишним человеком в обществе.

Высказав наболевшее, я не успокоился, а наоборот, еще больше огорчился. Выходит, что у нынешних коммунистов и демократов-русофобов есть общее понимание опасности русских писателей, отстаивающих правду, а тем более национальные ценности. И тем, и

другим не нужны ни патриотизм, ни русский дух, ни чувство национального достоинства. Кстати, по Распутину и Белову – деревня как раз и есть родник патриотизма и почва для возрождения русского национального самосознания. Но одним нужна коммунистическая Россия, другим – либерально-демократическая. А вместе они против России, где национальной идеей является патриотизм, чувство национальной гордости и родной почвы, духовность. Только в такой России живет деревня и отсутствуют Иваны, не помнящие родства.

Осмысление чуждых мне критических и огульных выпадов в сторону Белова и Распутина привело меня к выводу: это же надо быть настолько едиными и опасными для недругов истинного возрождения России, что по ним бьют залпами из разных пушек, и бьют за одно общее дело, а они от этого только крепче становятся. Патриотическая Россия видит, что этим общим делом для них стала борьба за русскую деревню, за ту деревню, которой нанесен вред коллективизацией и реформой «неперспективности». Белов и Распутин винят власть не столько за то, что при раскулачивании и сносе деревень пострадали дома и скот, сколько за то, что в ходе этого преступления труд крестьянина утратил нравственную основу.

А в каком едином порыве либералы и коммунисты набрасываются на Белова и Распутина, пытаются доказать ошибочность их суждений о том, что вымирание деревень имеет сугубо рукотворный характер! Газетчица-коммунистка Замлелова утвердительно пишет: «Деревни исчезают по всему миру.... Исчезновение деревенского уклада – это беда всей современной цивилизации». Разве это не окончательный смертный приговор деревне? Не отказ деревне в возможности и необходимости возродиться?

Конечно, тут нет места другому утверждению – утверждению Валентина Распутина: «Россия без деревни – не Россия»!

Единение с коммунисткой вызывает и либерал-русофоб Игорь Свинаренко: «Я не знаю, зачем России нужны деревни. Поездил я по миру и могу сказать, что деревни есть – кроме нас – еще разве что в Азии и Африке. Наверное, и в Латинской Америке отыщутся. (А в странах, где Россия покупает продовольствие, деревень нету уж лет

400 как). Я вам расскажу, что такое деревня. Это место компактного проживания нищих, у которых даже на машину денег нет. Не говоря уж про инвестиции. И деревни России не нужны».

Так и хочется сказать – без слов! Но не возразить нельзя. Иначе договорятся либералы и коммунисты до того, что зряшним был подвижнический труд Белова и Распутина по защите русской деревни, и вся эта «деревенская» проза никчемна.

Я, как и Свинаренко, поездил много по миру. Был во Франции и видел там в деревне, как делают сыр. Был в Сербии – и пел песни вместе с крестьянами в деревне. Был в Норвегии – и расспрашивал крестьян в деревне, зачем они кроют крышу земляным дерном. Был в Америке – и фермер из штата Северная Каролина угощал меня в деревне вином со своего виноградника. Был в Германии и фотографировал красивые резные дома в разных деревнях. Есть деревни в Испании, Греции, Англии, Китае, Вьетнаме. Почему их не видел Свинаренко – не знаю. Но то, что он их не видел, не означает, что их нет. Они живут, развиваются, кормя свои страны. И, может быть, наличие их еще не пугает мир наступлением голода. А устойчивость крестьянской цивилизации понемногу сдерживает тотальную глобализацию?! Исчезнут деревни – исчезнет город, а значит, и придет конец цивилизации.

Если Свинаренко считает, что во Франции и Вьетнаме деревни отличаются от деревень России, то никто и не спорит. Разность – это даже и хорошо. Мир интересен многими красками, песнями, одеждой, традициями. Ненавижу космополитический подход к жизни. Да и единый язык – эсперанто – как-то не прижился в мире. Пусть будут деревни разными. Лишь бы они выживали и жили. В России деревни вымирают как раз от того, что власть либералов не финансирует программы по их возрождению. Дайте инвестиции, господин Свинаренко, и русские деревни перестанут быть нищими, и из деревни никто не побежит. А вот из городов побегут. И переезжают уже. Миллион только дач и коттеджей понастроено. Жить на земле интереснее и полезнее. Потому и Распутин уезжал из столицы на малую иркутскую родину. И Белов бежал в родную деревню Тимо-

ним, а оттуда честно писал Распутину: «Валя! Хочется забиться куда-нибудь в лес и не вылезать!».

Когда-то я часто, не зная лично Распутина и Белова, начитавшись лишь их книг, задавался мыслью: почему их так роднила боль за русскую деревню? Знакомство с ними дало отгадку. И тот и другой рассматривали судьбу России через судьбу крестьянства. Не они виноваты в том, что на их долю выпала эпоха предательств, разрушений страны и уклада прежней жизни. Нужно было отвечать вызовам времени. Перед деятелями культуры встал выбор с кем быть: с той ельцинско-чубайсовской властью, что разрушает страну, или с теми патриотическими оппозиционными силами, которые остаются верны национальным традициям и противостоят натиску компрадорской космополитической олигархии? Государственный переворот, осуществленный после расстрела парламента, окончательно развел патриотов и демократов. А по-старому, славянофилов и западников – по разные стороны баррикад. О том правдиво сказал министр-либерал от культуры Евгений Сидоров: «Перестройка развела нас совершенно. Распутин и Белов поддерживали другую точку зрения на развитие страны».

Действительно, Распутин и Белов осознавали губительное разорение России и, прежде всего, русской деревни, яснее, чем другие писатели и деятели культуры.

С той поры как перестройка закончилась перестрелкой, то есть гражданской войной по окраинам России и в центре Москвы, Белов и Распутин были вместе, шли плечом к плечу, сражались, отложив романы и взявшись за публицистику, до последнего вздоха. Никто не смог их сбить с пути. Враги так и нападали на них обоих, так и писали их фамилии вместе, ставя то Распутина первым, то Белова. Они и привыкли быть заодно, быть рядом, в одной обойме, в одной команде – как единый монолит.

Для меня они также были неразделимы. Зная, как либеральная власть негативно относится к ним и срывает даже их юбилейные празднества, не издавая их книг, не выпуская по телевидению должных репортажей, я бомбардировал депутатскими запросами прави-

**Василий Иванович Белов
на пороге Николаевской Сохотской церкви**

тельство, требуя внимания к писателям-классикам. Мне приходили отписки, обещания, недостоверные сведения. Чаще всего я негодовал и направлял протесты. Так, получив от заместителя министра культуры России Л.Н. Надинова отписку, пришлось жаловаться самому министру культуры А.С. Соколову.

«Уважаемый Александр Сергеевич!

В марте текущего года я обращался к Вам по поводу планируемых мероприятий в связи с юбилеями классиков отечественной литературы В.Г. Распутина и В.И. Белова. Особенно меня интересовал вопрос государственного участия в этих событиях.

В полученном мной ответе за подписью Вашего заместителя Л.Н. Надинова меня проинформировали о целом ряде уже проведенных, а также и запланированных мероприятий, включая и издание книг писателей. Именно в этой связи хотелось бы заметить, что упомянутый четырехтомник В.Г. Распутина выпущен иркутским издательством «Издательский дом «Издатель Сапронов» исключительно на свои и спонсорские средства. Государственные структуры к этому не имеют никакого отношения. Замечу, что тираж книги печатался в Китае, чтобы снизить текущие затраты.

Что касается книг В.И. Белова, то за последние годы его книги если и выходили, то очень скромными тиражами.

Учитывая вышеизложенное, не могу считать, что направленный мне ответ свидетельствует о внимании государства к людям, внесшим огромный вклад в культурное наследие России, мастерство и творчество которых были направлены на укрепление русской государственности, православной культуры, воспитание в наших согражданах истинных человеческих ценностей.

Прошу Вас вернуться к данному вопросу. Тем более что осенью будет отмечаться юбилей В.И. Белова, в канун которого еще есть время переиздать одну из его книг, а также обеспечить достойное освещение юбилея на телевидении, чего, к сожалению, не получил В.Г. Распутин».

Из министерства пришел опять же за подписью Л.Н. Надинова ответ, но более положительный.

«Депутату Государственной Думы ФС РФ А.Н. Грешневику
Уважаемый Анатолий Николаевич!

В связи с Вашим обращением в Министерство культуры по вопросу планируемых мероприятий, приуроченных к юбилеям писателей В.Г. Распутина и В.И. Белова, сообщаем следующее.

Как мы уже информировали Вас ранее, на X Национальной выставке-ярмарке «Книги России» на стенде Федерального агентства по печати демонстрировалась экспозиция книг «Россия Сибирью прирастает», приуроченная к 70-летию со дня рождения В.Г. Распутина. На ярмарке был организован круглый стол на тему «Валентин Распутин: спор со временем», в котором приняли участие писатели и литературоведы. Заседание круглого стола вел академик Ф.Ф. Кузнецов. К юбилею писателя «Издательским домом «Издатель Сапронов» (г. Иркутск) было выпущено собрание сочинений в четырех томах, которое также было представлено на книжной выставке. Одновременно сообщаем, что Г.К. Сапронову Роспечать направила подробную информацию о возможности оказания финансовой поддержки данному проекту в рамках федеральной целевой программы «Культура России».

В рамках этой программы Федеральным агентством по печати была оказана поддержка выпуску книги В.С. Кожемяко «Валентин Распутин. Последний срок» (издательство «Алгоритм-книга. г. Москва).

В связи с юбилеем В.Г. Распутина на государственном телеканале «Культура» были показаны следующие фильмы: документальный фильм «Во глубине Сибири. Валентин Распутин», художественный фильм «Василий и Василиса» по одноименной повести В.Г. Распутина, «Прощание» – художественный фильм по повести «Прощание с Матерой».

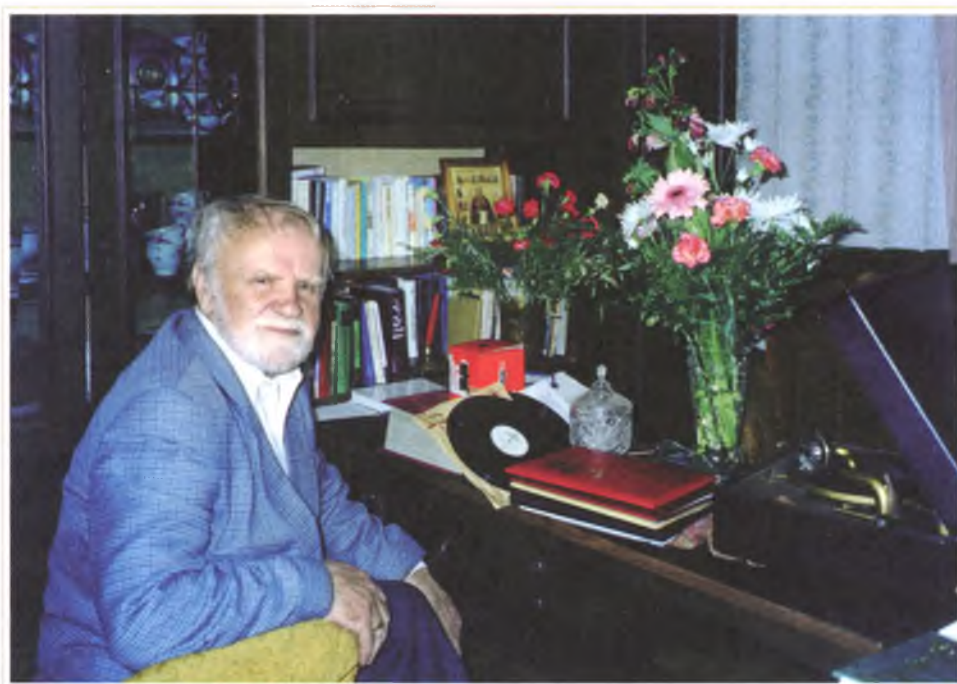
Что касается предстоящего юбилея писателя В.И. Белова, то к его 75-летию телеканал «Культура» готовит премьеру документального фильма, посвященного жизни и творчеству писателя, также будут показаны телеспектакль «Плотницкие рассказы» и художественный фильм «Целуются зори» (автор сценария В. Белов).

В отношении издания книг В.И. Белова сообщаем, что, к сожалению, по информации Федерального агентства по печати тиражи про-

изведений писателя, выпущенные в 2005 году, до настоящего времени не реализованы и в достаточном количестве имеются в продаже. Тем не менее, к юбилею В.И. Белова издательство «Прогресс-Плеяда» выпустило книгу «Привычное дело», а издательство «Детская литература» – книгу «Рассказы о всякой живности» (серия «Школьная библиотека») и готовит книжку для самых маленьких в серии «Книга за книгой».

Мне выпала честь общаться и с Распутиным, и с Беловым, и быть вместе с ними в трудные годы борьбы с чужеродной либеральной властью.

Кто из них был большим командиром в команде двоих? Наверное, Белов, ибо Распутин сам не раз признавал его верховенство, и тогда, когда по инициативе Белова пошли в кабинет Президента

Василий Иванович Белов наедине с любимым патефоном

та СССР Михаила Горбачева читать ему нотации, и когда ринулись защищать расстрелянный российский парламент. Да и в письмах к Белову Распутин нет-нет да и высвечивал его особое старшинство и учительство. Копия одного такого письма висит у меня в рамке в кабинете: «Дорогой Василий Иванович! Как был ты всю жизнь по-перед нас, мальцов, так и не уступаешь дороги. А нам за тобою и хорошо. И когда книги писали, хорошо было по твоим пятам идти, и сейчас хорошо на тебя оглядываться и не падать духом. Не подводи нас – так вперед и иди, а мы уж как-нибудь будем держать за тобой ногу. Обнимаю. В. Распутин.»

Вот они какие, родственные русские души! Ни добавить, ни прибавить.

